

Николай Цуканов

Невыдуманные истории

*Кировоград
2014*

*При оформлении обложки использована работа
художника Владимира Остроухова
«Лето»*

Конечно же, у каждого из нас есть много жизненных случаев, о которых мы с удовольствием рассказываем в компаниях. Только за последнее время я услышал несколько коротких историй, над которыми охотно смеялись окружающие. И самое главное – их рассказывали мои друзья, а далее они распространялись, как говорится, «из уст в уста».

И я подумал: а почему бы их не описать и не дать возможности познакомиться с ними более широкому кругу людей? Именно поэтому собрал эти короткие рассказы в один небольшой сборник. Сюда же я включил несколько случаев, которые произошли со мной или с моими родственниками. Думаю, читатель простит, если я повторюсь и кто-то прочитает уже знакомую ему историю. Ведь собранные вместе, они, на мой взгляд, лишний раз дадут возможность читателю улыбнуться.

Итак, первая история, произошедшая с моим отцом Николаем Васильевичем в конце 90-х годов прошлого века.

ОЧКИ ОТ ГУБЕРНАТОРА

Как-то моя мачеха, Людмила Максимовна, обратилась ко мне чуть не со слезами на глазах:

– Ты представляешь, Коленька, что твой батько несколько дней назад учудил? – Замечу, что разговаривала Людмила Максимовна на суржике, густо замешанном на русском, украинском и только ей известном языках. – Такэ зробив, такэ!

Тут я, зная отца, как уравновешенного и интеллигентного человека, не на шутку забеспокоился. А Максимовна продолжила:

– Ни с того, ни с сёго, приходит к нам домой участковый врач з поликлиники. Сто лет ее не видели, а тут вдруг пожаловала. Такая вежливая, бачу, заискивает передо мной. Я щэ, грешным делом, подумала: «Мабуть, неспроста...» А вона до мене звертається и говорить: «Максимовна! Хочу с вами поговорить, только так, чтобы ваш муж не слышал. А то он у вас в последнее время каким-то уж больно нервным стал. Я его в поликлинике встретила, обрадовалась и говорю: «Николай Васильевич! Радость-то какая! Вам от губернатора, ну чи, як его? Короче, от главы областной администрации бесплатно очки в подарок пришли. Фирменные. Иностранные. Оправы любых цветов. Заходите ко мне, пока не разобрали, выберите, какие понравятся». Так он так на меня посмотрел, будто я ему не очки предложила, а обматерила. Вначале вроде что-то сказать хотел, ну, вроде как слова подходящие подбирал, а затем махнул рукой, как отрубил, и ушел, слова не сказав. Вот я и прошу вас, Максимовна, переговорите с ним. Может он вас послушает, а то он нам всю статистику по поликлинике портит, если

не получит. Уже все ветераны с вашей улицы получили, кроме него. Ведь бесплатно ж дают!»

Зная своего отца, на всякий случай я переспросил: – Ну, и как? Получил?

– Как-как! – передразнила меня Максимовна. – А нияк. Он у меня и так цых врачей на дух не переносит, а тут щэ такое. Я до нёго и так, и эдак. То до совести взываю, то починаю ругать. «Ну, чого тоби, – кажу – надурняк очки не взять? Они ж импортные, значит, хорошие. Врачица казала – не кытайськи. Мэни отдасыш. Ты ж бачиш, мои зносылысь, на резинке висят». А вин в ответ мэни: «Ты что, не знаешь, сколько они на этих очках заработали? Подлецы и идиоты хронические. А теперь нам подачки делают, благодетели хреновы. Пусть сами их носят, вместе с врачами!» День проходит, другый. Мэни врачича звонить, интересується: «Ну, як там, не уговорили?» А що я можу, колы цей вперся, як баран? Тильки ты йому не кажи, що я його бараном назвала, а то мисяць балакаты не будэ. Так от, день пройшов, я знову за рыбу гроши. Уже всю женську ласку доклала, и по шерсти его, и проты. Видно, сыльно надойила я йому, чи вправду выривив мэни их витдаты. И говорыть: «Ладно, пусть несут».

«А какие лучше?», – запытую. «Какие? – зло переспросил он. – Со стеклами! И с дужками для ушей!» Ну, я обрадовалась, звоню: «Приходите, кажу, несит. Только самые-самые гарные!» И что ты думаешь? Приходьть участкова, така радостна. Настроение, видать, сразу уллучилось. Выдно, ее там здорово пилили за то, що разнарядку не выполняла. И зразу до Мыколы.

«Вот вам, – говорит, – уважаемый Николай Васильевич, подарок от губернатора, получите, распишитесь. Примерьте». Батько вроде уже и руку протягнув, так вона все спорты-

ла. Узяла и добавыла: «Что я вам скажу, Николай Васильевич, теперь вы лучше будете видеть окружающий мир».

Ты б бачыв батька! Покраснив весь, аж собака в будку заскочила. И говорить так спокойно врачихе: «Передайте своему губернатору, что я вас, б...дей, и без очков хорошо вижу!» Так и не взял их. Мало того, что мне теперь в поликлинику ни ногой, так ще и я без очков осталась!

ПОКУПАЛСЯ

Эта история, как и предыдущая, имеет отношение к моему отцу, Николаю Васильевичу. Он всегда любил мастерить, ремонтировать и экспериментировать. Бывали случаи, когда такая увлеченность граничила с опасностью покалечиться. Но отца это не останавливало – он еще больше погружался в какие-то схемы, расчеты и тому подобное.

Однажды он решил смастерить во дворе летний душ. Обычное, казалось бы, дело в частных домах. Поставил каркас, обшил доской, наверх водрузил бочку с краном. А потом решил усовершенствовать свою разработку. И подключил кипятильник для подогрева воды. Он пояснил:

– Двадцатый век все-таки за окном! А то ведь бывает – хоть и лето, а погода прохладная. А так с ранней весны до поздней осени можно будет душ горячий принимать, как в лучших домах Парижа.

Короче, все сделал, и так ловко, что даже жене его, Людмиле Максимовне, понравилось, что случалось крайне редко. Включит кипятильник, нагреет водички, затем выключит – и мойся на здоровье. И главное, нагревается так

же быстро, как вода в чайнике. Раз, и все! Главное – не забыть, что кипятильник перед водными процедурами нужно обязательно выключить.

И вот однажды приехал к ним родственник из России, Владимир. Ну, конечно же, выпили они с отцом понемногу. Вышли во двор, отец, естественно, показывает ему огород, виноградник, грушу с яблонями. Короче, есть чем похвастаться в частном доме. И тут дернул его черт свое изобретение показать:

– А знаешь, Володя, вы у себя в домах и знать не знаете, что такое летний душ. А водой горячей только зимой пользуетесь. А это такая благодать – на воздухе покупаться, затем во дворе на лавочке чайку, или чего покрепче выпить.

И так расхваливал свое чудо техники, что Володя в конце концов не устоял:

– Ну что ты меня убеждаешь, Васильич, лучше один раз попробовать, чем сто раз услышать.

Отец включил нагреватель, и пока водичка грелась, решили еще по одной рюмке пропустить, но уже на свежем воздухе. Минут через десять, когда настроение у них еще больше повысилось, от бати поступило ЦУ:

– Ну что, Володька, давай, иди, раздевайся и наслаждайся. Воды не жалея. Надо будет – подогреем!

А сам пошел в дом, с бабками поговорить. И вдруг слышит – с улицы какой-то дикий вопль. А потом такая матерщина понеслась, что ни отцу, ни бабушкам за всю жизнь слышать не приходилось. Выглядывает отец в окно и видит – по огороду его гость Владимир голым бегаёт и так кричит, словно его собака за что-то нежное укусила. Все бросились во двор к нему. А он весь трясется вроде как обжёгся. Жена его, Раиса Васильевна, выскочившая со всеми, для полного сходства с известным эпизодом из фильма

«Калина красная», запричитала: «Убили, убили!».

После очередного круга по огороду Вовка подбегает к нам, прикрывая срамное место одной рукой, а второй указывая в сторону душевой:

– Т-ты... т-ты... кипятильник выключил?!

И только тут мы поняли причину столь странного поведения гостя. Оказывается, за душевными разговорами и ста граммами отец забыл выключить подогреватель.

Вовка, как пришел в себя, поведал нам ход событий, так сказать, изнутри:

– Зашел я в душевую кабинку, снял с себя всё, стал под кран, предвкушаю, так сказать, наслаждение. И только включил кран, как меня стало беспощадно трясти! Не могу ни выйти, ни воду выключить! Так и стоял несколько секунд, тряся, танцуя лезгинку под струями. Кричу, а вы то не слышите! Сам не понимаю, как удалось выскочить. И смех, и грех! Да, такого у нас в квартире точно нет, не то что летом, но и зимой. Мы хоть воду зачастую на газу в ведре греем, зато током уж точно не бьет.

САУНА СОФИЦЕРАМИ

А эта история произошла со мной в 80-х годах. Меня послали в Харьков, как ревизора финансового отдела, проверить правильность уплаты комсомольских взносов. (Была тогда такая организация – комсомол...)

Все вроде нормально вначале было. Работаю день, второй. Ни на какие уговоры обмыть приезд не поддаюсь, даже чай бегаю пить в соседнее кафе. Вижу – все нормально, жуликов не нахожу, все честно платят, никто не утаивает поступившие взносы. Проверил десятка три ор-

ганизаций, осталось только воинскую часть проверить. Приехал на место. Работаю, провожу встречные проверки, сверяю подписи – не подкопаться. Все в порядке. Ну, я и расслабился!

Уже в самом конце, буквально за день до отъезда, сопровождающий меня прапорщик из этой воинской части говорит:

– Ну, вроде все, справка написана. Но как-то нехорошо получается, не по-нашему. Сегодня ваш последний день у нас, пойдемте в сауну, попаримся, чайку попьем.

А я ж сауну, как пчелы мед люблю! Вернее не то, что люблю, просто никогда не был в настоящей сауне. И жуть как попробовать захотелось! Да и работу ведь уже сделал. Согласился, будь оно неладно.

Приехали за город. А там стоит шикарное современное здание, все утопает в зелени. Заходим в предбанник. Смотрю – мой прапорщик раздевается догола. А я ведь правил поведения в подобных местах не изучал, думаю, так положено. И сам вслед за ним разделся. Снял всё, до последнего – вылитый Адам. Принял душ, обтерся. Прапорщик мне подает тапочки и указывает на дверь, мол, добро пожаловать! Вперед, значит, к удовольствию.

Я без задней мысли открываю дверь, вхожу. И тут увидел такую картину – за накрытым столом с выпивкой и закусками сидит человек 10-12 офицеров. В форме, красавцы как на подбор, от капитана до полковника, и все смотрят в мою сторону. Я вначале попятился, хотел выскочить, но потом понял – назад дороги нет.

Двигаюсь вперед, по инерции шаркая тапочками по полу, естественно, в чем мать родила, и рассматриваю весь этот парад. И тут ко мне начинает доходить вся нелепость этой ситуации: я – голый, а они – в форме. Да еще звезды

на погонах горят огнем от люстры на потолке. Не придумав ничего лучшего, прикрыл одно место (сами догадываетесь, какое) левой рукой, протягиваю правую для рукопожатия, и начинаю представляться:

– Цуканов, – говорю, – Николай.

И так с каждым за ручку. Как не вспомнить эпизод в бес-смертном фильме Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» – «Очень рад, царь, очень приятно, царь, очень рад...»

Уже после того, как я залпом от волнения и переживания выпил граммов двести «чая», услышал от моих новых знакомых их историю:

– Понимаешь, – обратился ко мне один из сидящих офицеров. – Нам сказали, что приедет париться проверяющий. Из центра. Ну вот, мы и решили, что некрасиво будет встречать его голыми. Все-таки офицеры, да и звания у всех разные. Ведь в бане-то мы все будем равны. А прапорщик, не зная о том, что мы в таком виде здесь сидим, предложил тебе раздеться. Ну, как обычно все нормальные люди раздеваются перед баней. Так что неувязочка вышла, товарищ ревизор, ты уж извини.

Эту сауну я запомнил на всю жизнь и, после того случая, в подобных мероприятиях не участвую.

ПОРЫБАЧИЛИ

Когда рыбаки или охотники встречаются, все знают, что вранья об улове или убитой дичи всегда будет намного больше, чем самого зверья или рыбы. Сам я не очень верю всем этим байкам. Но эту историю я услышал от Андрюши, моего давнего приятеля и кума. Не поверить в то, что он

рассказал, я не мог. А не включить в общий блок рассказов эту историю и подавно было бы неправильным. Рыбаков-то много...

Короче говоря, однажды были мы в гостях у вышеупомянутого Андрея Викторовича. Девчонки собрались в одном углу, и давай о чем-то своем. А мужики, как обычно, ни о чем, так, легкий треп, пустой мужской базар. Я вначале и внимания не обратил на этот довольно-таки эмоциональный разговор в стороне. Но услышав знакомое слово «рыбалка», естественно, начал прислушиваться – о чем это Андрей с одним из гостей? А они делились тем, кто и где в последнее время рыбачил и сколько чего наловил. Из разговора выходило, что ловят они рыбу мешками, а ее размеры такие, что она в эти самые мешки попросту не помещается. Я сразу анекдот вспомнил, старый, «с бородой».

Встречаются два рыбака. Один говорит: «А я вчера сома на 100 кг вытащил!» Второй скромно так: «Да, я тоже вчера блесну покидал... Так себе – одну щучку взял кило на 10. Домой принес, брюхо вспорол, а внутри – старинный фонарь с вензелем и написано по-английски «Джеймс Кук, такой-то год». Так я его поджигаю, а он горит». Первый, подумав: «Слушай, я со своего сома 90 кг сброшу, но ты фонарик-то погаси!»

Вот так, примерно, и эти двое друг друга убеждают, у кого улов больше. А потом, не помню кто, возможно, и сам Андрей Викторович, говорит:

– Это все ерунда. Вот с моим другом на днях такое случилось, его трясет до сих пор!

– Что, большая рыба сорвалась? – спрашивает кто-то из собеседников.

– Ты лучше дослушай. Короче, поехали они на лодке с напарником порыбачить. Закинули удочки, сидят час – ни

разу не клюнуло. Второй, третий, просидели до обеда – та же картина. «Сегодня не наш день, – говорит один из них, – давай, наверное, собираться будем». И удочки сматывать начинает. Второй загадочно улыбается и отвечает: «Ты знаешь, я еще ни разу домой без рыбы не возвращался. Будет сейчас улов, не спеши». И с этими словами вытаскивает какую-то штуковину в виде большого сачка на длинной ручке, повозился с ней, какие-то проволочки подключил, подгрел к камышам и забросил там свое устройство.

Друг на него удивленно смотрит и спрашивает: «Это что ещё за штуковина?» «Сейчас увидишь, включаю!» – и с этими словами, каким-то тумблером щелкнул. Друг по сторонам озирается и тут видит, как из-под воды в камышах начали подниматься огромные пузыри, а за ними медленно огромный сазан. Морда – как у молодого бычка. Хвостом бьет, глаза выпучил, и по поверхности дефилирует. И пытается, не смотря ни на что, отплыть от нашей лодки. Впервые увидев подобный вид водной охоты и решив, что и эта единственная добыча может от них ускользнуть, напарник прямо в одежде вываливается из лодки и хватается сазана за жабры. И в ту же секунду с ним начинается происходить что-то непонятное. Он широко раскрыл рот, а глаза стали в несколько раз больше, чем у сазана. Что-то сказать хочет, но, видать, заклинило. И такое впечатление, будто он с этой рыбиной танго танцует. То в воду опустит, то к себе прижмет. Идиллия!

И тут к его напарнику начинает доходить смысл происходящего. Оказывается, его друг попал в зону электрического разряда, источником которого был автомобильный аккумулятор. Заряд через преобразователь поступал на электроды, расположенные на сачке. Это я так, по-научному. А по-простому, током его бахнуло хорошенько. Друг тут же отключил тумблер и помог охотнику с добычей

забраться в лодку. Того продолжает колотить, он только и повторяет: «Что это было?»

Пришлось во всем сознаться. Короче говоря, если б не сазан в руках неудачливого рыбака, то неизвестно, чем бы дело кончилось. Но желание удержать рыбу пересилило шок от полученного разряда!

ПАСХАЛЬНЫЕ ЯЙЦА

Эту историю я записал совсем недавно, в прошлом году. Был самый главный христианский праздник: Пасху праздновал и стар и млад. Это раньше при советах мы прятали перепачканные руки, чтоб не выдать, что ели крашеные яйца. А куличи ели чуть ли не ночью и под одеялом. А сейчас раздолье – всем всё можно! Уже и магазины предлагают яйца, разукрашенные всеми цветами радуги. Да что магазины! О том, как далеко мы в этом зашли, ярко свидетельствует рассказ, услышанный через неделю после праздника.

– Ты на Пасху в церковь-то ходила? – спрашивает старушка женщину чуть помоложе.

– А как же! Мы, чай, уже пятый год в этот день всей семьей святить яства в новый храм ходим. Правда, в этот раз сам кулич в корзину-то положить забыла – склероз. Знаю, что в церковь иду, помню, что побольше блюд надо взять, а вот о куличе и забыла. Колбаску взяла, сальце положила, окорочек куриный, филеечку копченую, селедочку-пресервы, по бутылочке водочки и винца, и даже пиво в пластиковой бутылке. Ну, короче, всё, чтобы утром разговеться. Да и перед Богом чтоб стыдно не было – праздник все-таки. Пришли в церковь, разложилась я, глядь – а кулич-то и забыла! Ну да ладно, думаю, Бог простит. Священник вышел,

за ним свита с ведром воды. И таз какой-то тащат, а за ним еще один. И такие ребятки, скажут тебе, – видные, крепкие и бритые, видно, что работа ответственная им выпала. Я еще, грешным делом, подумала, что, наверное, какой-то новый обряд у них. А поп венчик в ведро сунул, и давай нас святить – налево, направо. А толпа ему: «Батюшка, благослови пищу нашу!» Он и давай наш «гастроном» обрызгивать. Святит, значит, чтобы благодать божья упала на филейку. Тут и свита подошла. Я заглянула в таз, а там – что б ты думала? Не угадаешь никогда! Деньги. Целый таз. В основном мелкие – двушки, пятерки, десятки.

– И что? – удивленно спросила старушка. – Стали вам деньги раздавать?!

– Ну, Марфа Петровна, ты и сказала! Наверное, давно в церкви не была. Это они нам тазик подсовывают, а мы туда должны деньги на помощь храму класть. Пожертвование как бы. Они ведь работают – и поп, и ребята молодые, а даром не хотят. За воду тоже платить надо, ты как думала? Венчиком вон сколько воды выбрызгали! А народ идет и идет. Потом второй тазик подставляют.

– А второй-то зачем?

– А во второй нужно было еду жертвовать. Ну, чего там кому не жалко. Они его часто меняли – ведь кто колбаску, кто яйца, кто хлеб в тазик кладет.

– Так куда ж столько еды-то? – удивилась собеседница. – За день ведь тысячи людей приходят и каждый что-нибудь да и оставит. – Потом, помолчав, добавила: – Наверное, бедным раздадут...

– Ага, жди, чтоб раздали! У меня соседка при этой церкви поварихой работает, так она вчера вечером ко мне зашла и говорит: «Тебе крашенки не надо? А то я из церкви после Пасхи приволокла яиц целый ящик из-под бананов.

Штук пятьсот-шестьсот». Я на нее глаза вытаращила и спрашиваю: «А тебе зачем столько? Ведь семьи-то всей – всего три человека. Это ж по двести штук на каждого. Одно место не слипнется? Да и после праздника уже неделя прошла, испортятся ведь». А она мне и ответила: «А ты что, не знаешь, почему сейчас яйца на базаре? Почти 10 гривен десяток. Так что я, считай, на полтыщи гривен яиц домой принесла. Бери, пока даром даю».

Слушал я и диву давался. До чего ж это у нас люди порой бывают ненасытными! Не зря ведь еще Аркадий Райкин в одном из монологов говорил: «Дома радиаторы золотые сверху глиной обмазаны. Ну и что, что не работают, зато они душу греют – это ж золото!» Так вот, наверное, и той тетке церковные яйца душу грели...

ДОРОЖНЫЙ СПОР

В этот день мы с семьей выехали из дома пораньше, так как путь предстоял долгий. Дорога была пустынной – сказывался выходной день. И главное, что многотонных фур по дороге почти не встречалось. Семейство дремало, а я любовался первыми лучами просыпающегося солнца, голубым небом и бескрайними полями подсолнечника, рапса, кукурузы, пшеницы. Где-то на полпути, как обычно, на дорогу из укромного места выскочил инспектор ГАИ. Взмах волшебной полосатой палочкой означал, что мне следует остановиться. Прихватив документы, я вышел из машины.

– Старший лейтенант Задорожный, – представился инспектор.

Не скажу, что радостно, но так же вежливо я ответил инспектору. Он обошел машину, заглянул в открытое окно. Было видно, что почти полное отсутствие машин на доро-

ге сказывалось на его настроении не лучшим образом. Зазвучали заученные фразы: «Откройте капот, покажите аптечку, огнетушитель» и прочее. По виду инспектора было видно, что хотя прицепиться было не к чему, но отпускать водителей просто так было не в его правилах. Он вплотную приблизился ко мне, заглядывая в глаза. Затем посмотрел в права и, загадочно улыбнувшись, почти утвердительно спросил:

– Пили, Николаевич?

Любой водитель, даже заклятый трезвенник и язвенник, после этой фразы сразу начинает вспоминать, когда последний раз держал в руках рюмку со спиртным или бокал с пивом. Но мне, к счастью, вспоминать было нечего – мой организм на протяжении уже долгого времени был чист от алкоголя по двум причинам: во-первых, за три дня до поездки я принципиально не употребляю спиртное, во-вторых, в этот период мне пришлось пройти курс лечения инъекциями. Поэтому я с чистой совестью, посмотрев в глаза стражу порядка, ответил:

– Нет, Николаевич с уверенностью вам отвечает – не пил.

– Ну, что вы, – засомневался инспектор, – я же по глазам вижу, что пили.

Он был так уверен, что я начал сомневаться в своих глазах. Они хоть порой и страдали от аллергии, но только не в этот день. Я начал нервничать, злясь на бестолкового инспектора, из-за которого время тратилось впустую. Дорога ведь предстояла дальняя.

– Ну, а что ж вы так занервничали? – спокойно продолжил инспектор. – Если выпили с утра, то признайтесь. Наверное, самую малость? Я же тоже человек, всё понимаю.

– Да какую малость? – вскипел я еще больше. – Не пью ни с утра, ни с вечера. Могу спорить на что угодно.

Инспектор видно этого и ждал.

– Поспорить? Ну что ж, можно. Если желание есть. А на что?

Я сам, дурак, ему и предложил:

– Ну, давайте гривен на сто. Идет? И я вам докажу, что чист, как утренняя роса.

– Сто? – перепросил инспектор. – Не много ли?

– Нет-нет, в самый раз, – поспешил ответить я. И с этими словами, словно боясь, что инспектор передумает, протянул руку, как бы пытаюсь закрепить спор. – Давайте вашу трубочку, я дыхну.

Инспектор, не спеша, пожал мне руку, и спросил удивленно:

– А какую трубочку вы имеете в виду?

– Как какую? Ну, ту, что показывает реакцию на алкоголь!

– Какой алкоголь? – снова удивился инспектор.

«Он что, полный идиот? – промелькнуло у меня в голове. – Чего дурочку валяет? И откуда их только берут таких? А еще офицер!» Но тут до меня стал доходить смысл затеянного спектакля.

– Ну да, я пил. Конечно, с утра выпил, – торопясь, протарахтел я. – стакан воды, а затем чашку кофе. Но не алкоголь.

– А кто здесь говорил об алкоголе? Об алкоголе здесь и речи не было, – усмехаясь, сказал инспектор. – Я только спросил, пили ли вы с утра? А вы начали оправдываться, нервничать, просили пройти тест на наличие алкоголя. Так ведь было?

Я начал понимать, что вся эта комедия с самого начала была затеяна только для того, чтоб относительно честно отобрать у меня деньги. Но ведь это я сам пред-

ложил спор! Это ж я, курья башка, предложил поспорить на сто гривен! Молодец, инспектор! Красавец! Так меня развести! Так тонко выманить деньги! Я уже не злился, а, скорее, гордился тем, что у нас на дороге есть такие находчивые инспекторы.

Мы расстались с ним, как старые знакомые, довольные друг другом. Мало того, я тепло вспомнил своего нового знакомого, когда буквально через какой-то десяток километров другой постовой, снова остановив меня, участливо поинтересовался, пил ли я сегодня. Я улыбнулся и ответил:

– Спасибо за беспокойство и чуткое внимание к нам, водителям. Конечно, пил. И воду, и кофе.

СИСИ

Вспомнил еще одну историю, которая произошла с моими друзьями в то время, когда мы с любимой отдыхали в Ялте. Вид, который открывался с восьмого этажа гостиницы с одноименным названием, завораживал. Солнце, море, любимая... Что может быть приятней в нашей жизни?!

Выходим на этаж и встречаем своих друзей, с которыми приехали наслаждаться природой Крыма – Евгения и его жену Викторию. А та смеется просто-таки в захлеб. Мы, естественно, не могли разделить с ней её бурного веселья и Виктория рассказала нам всю историю.

Они с Евгением, отоспавшись и слегка перекусив десятью блюдами «шведского стола», облачились в купальные костюмы и, не спеша, выдвинулись в сторону бассейна. Лифт, видимо, производства одной из прибалтийских республик, не торопясь, словно объезжая препятствия на своем пути, медленно поднялся на их восьмой этаж. Жена

с Викой, войдя в него, отправились в путешествие на пляж.

На седьмом этаже кабина остановилась и в открытые двери вошла, хотя, скорее вкатилась крупная женщина с Эйфелевой башней на голове. «Это было первым, что я вначале увидела, – поведала Вика, – высокая прическа, уходившая куда-то ввысь». Женя был крепко прижат этой дамой к одной из стен лифтовой кабинки, поэтому потерял из виду свою жену. Зато перед его глазами колыхались огромного размера шары, похожие на два здоровенных арбуза, которые были ничем иным, как грудью вошедшей дамы. Лифт не ехал дальше, но не из-за перегруза, как могло показаться вначале, а из-за того, что нужная кнопка была надежно прикрыта задней частью женщины, той, что начинается ниже талии, если таковая была. Так они простояли несколько минут.

Женя, прижатый арбузами, с трудом дышал, а дама возилась, пытаясь рукой нажать кнопку. Он начал понемногу приходить в себя, глубоко вдыхая, чтобы в случае необходимости хватило воздуха продержаться до того момента, когда откроются двери лифта. Впрочем, стоянка транспорта задерживалась, поэтому взгляд Жени волей-неволей стал блуждать по незнакомке, вернее по самой выдающейся ее части.

Сколько же драгоценностей на ней было! В последний раз Женя видел столько золота в ювелирном магазине, когда покупал обручальные кольца. Оно в больших количествах разместилось на даме везде, где его только можно было повесить или воткнуть. Цепи, заколки, серьги, подвески, мелкие, крупные, с камнями и без – все это предстало перед его изумленными глазами. Как позже сказала Виктория, это, скорее всего, было золото всей семьи этой тетки.

На мгновение Женя прислушался, так как уже долго не

видел свою жену, надежно укрытую золотой витриной. «Жива ли она?», – промелькнула в голове предательская мысль. Он начал считать вдохи и выдохи. «Один – это я, два – тетка, три... Слава богу, вроде как жива...», – не успел мысленно подумать он, как услышал еще чье-то дыхание.

Сопели где-то совсем рядом. Не на шутку встревожившись, Женя, насколько позволяло его прижатое положение, стал оглядываться. И вдруг в ложбинке между двумя арбузами он увидел маленькую мордашку разместившейся там собачки. Она смотрела на Женю огромными глазами, свесив в сторону розовый язычок. Выражение ее глаз было не по-детски враждебным. В них он прочитал такое: «Еще на сантиметр приблизишься к моей будке, и твой нос окажется в надежных зубах». Женя интуитивно отодвинулся на полмиллиметра от этих красноречивых глаз. Собачка, как бы поняв, что он не несет угрозы, моргнула и задыхалась ровнее.

Поняв, что гроза постепенно уходит в сторону, Евгений понемногу успокоился. Да и золотое создание наконец-то нашло кнопку, поэтому лифт медленно, но уверенно начал свой спуск. Женя встретился глазами с очаровательной спутницей. Не найдя чего-нибудь более оригинального для начала разговора, он вдруг спросил:

– Сисй?

Нетрудно угадать, что она подумала, увидев взгляд мужчины, направленный на ее грудь. Но тут к Жене начал доходить смысл его вопроса. «Ну да, как же я мог так облажаться? – подумал он. – Ведь Сисй и сйси – это далеко не одно и то же». Он повторил вопрос, несколько его перефразировав:

– Гав-гав – Сисй?

Теткины глаза стали менее устрашающими:

– Микки!

– Микки? – переспросил Евгений, и добавил: – Гав-гав? – Чтобы убедиться, что так зовут именно собачку.

– Микки! – с железобетонной твердостью повторило со-
кровище.

И так как лифт еще не приехал, Женя задал еще один во-
прос:

– Сучка?

Видимо, его вопрос прозвучал слишком уж утверди-
тельно, потому как по вновь сверкнувшим глазам он по-
нял, что снова сморозил что-то не то. Неужели она подума-
ла, что интеллигентный человек с высшим образованием
за спиной мог так выразиться по отношению к даме? Ах,
как вы глупы и легкомысленны порой женщины!

– Мальчик! – вспыхнула хозяйка. – Это мой мальчик!
Микки!

Вика позже не могла сдержать смеха, рассказывая:

– Нас спасло то, что дверь распахнулась и дама выва-
лилась на площадку, а мы, переждав несколько секунд,
осторожно оглядываясь по сторонам, двинулись в сторо-
ну бассейна.

ПОДСТРИГЛИ

Как-то решил я своим братишкам туристическую
поездку организовать. Для начала познакомлю вас с
ними: старший – Юра, а средний – Володя. Ну, так вот,
решил я провести для них маленькую экскурсию. Нет не
за рубеж, а немного поближе – в Крым. Но чтобы это
было сюрпризом, решил не говорить о том, что встре-
чаемся все втроем. То есть, каждому в отдельности ска-

зал, что встречаемся только вдвоем в Симферополе на железнодорожном вокзале.

Встретились со старшим, Юрием, обнялись, давай обмениваться новостями. Разговариваем, а я все на часы поглядываю – вот-вот должен средний братец подойти, уже объявили, что поезд пришел. Говорю Юрию:

– Ты тут постой у справочного бюро, за вещами присмотри, а я на минутку отойду, узнаю, как лучше в центр добраться, – а сам спрятался рядышком за колонной и наблюдаю. Старшенький, чтобы не скучать, перелистывает журнальчик, поглядывая на снующих по вокзалу пассажиров.

И тут смотрю – появляется в проеме входных дверей средний брат. Я его давно не видел, вижу – зарос, волосы прикрыли плечи, черные, густые. Остановился Володя, оглядывается по сторонам, все для него новое. Понятно, не знает, куда ему идти. Потом увидел надпись большими буквами – «Справочное бюро», и неспеша направился к пункту нашего сбора. Подошел он практически вплотную к старшему брату, стал спиной и крутит головой – меня, значит, ищет. Стоят они так минут десять, не замечая друг друга, смотрю, что уже оба начинают волноваться, так как один думает, куда это я пропал, а второй, что я, наверное, еще не приехал, и что делать, если поездка сорвалась по какой-либо причине.

Мобильных телефонов тогда еще не было, позвонить и узнать причину моего отсутствия было нельзя, поэтому оба стоят в растерянности, не зная, что делать. И тут средненький решил уточнить у стоящего рядом мужчины, то есть у своего брата Юрия, нет ли на железнодорожном вокзале еще одного справочного бюро, вдруг что-то перепутал. Он поворачивается лицом к старшенькому и

спрашивает:

– Товарищ, вы не скажете... – И тут я вижу изумление, отразившееся на его лице. Юра неторопливо оторвал взгляд от журнала, посмотрел на Володю, затем опустил глаза, снова поднял их и испуганно вздрогнул. Немая сцена продолжалась несколько секунд, причем средненький так и продолжает стоять с открытым ртом, а старшенький усиленно пытается прийти в себя. Тут появляюсь я и, как ни в чем не бывало, говорю, обращаясь к обоим:

– Ну что встали, пойдёмте.

Они оба переводят глаза на меня. И тут я понимаю, что если сейчас же чего-то не скажу в свое оправдание, буду бит обоими. Я смотрю на длинные волосы брата и, как бы невзначай, словно давно решил, предлагаю:

– Тут, кстати, хорошая парикмахерская есть, идем, мы тебя сейчас в нормальный вид приведем, а то зарос, словно и не брат нам.

Это их сбило с толку. Старший подхватывает:

– А действительно, посмотри, на кого ты похож? Я тебя и не узнал сразу!

Короче, гроза миновала, они наконец-то обрадовались неожиданной встрече. Настроение у всех приподнятое. Средний с трудом, но соглашается подстричься. Подходим тут же на вокзале к двери с надписью «Парикмахерская. Мужской зал». Я говорю братьям:

– Вы тут пообщайтесь, а я схожу в разведку, узнаю, занято-нет, стригут-не стригут. Ну, чтоб все путем было.

Открываю дверь, вхожу. В кресле, еле поместившись, сидит дама лет под шестьдесят огромной комплекции. Фартук на ней, как у мясника, правда, без кровавых пятен. А прическа на ее голове и несколько подбородков были точно такими же, как у фрекен Бок из мультфильма

о Карлсоне. Я хотел было уже развернуться и ретироваться, как вдруг она оживилась, увидев во мне потенциального клиента.

– Заходи, заходи, – пробасила она. – Бокс, полубокс, а может «каре»? За пять минут подстрижем и освежим.

– А вы детей стрижете?

– И детей, и зверей, и прочих, – видимо, поняв, что сказала ерунду, решила исправить ошибку и добавила: – Только ножницами разными. Давай своего ребенка. Пацан, девочка? Девчонок тоже стригу, но там много думать надо. С пацанами проще. Чик-чик, и голова, как арбуз, – она громко засмеялась.

– Мальчик, мальчик, – успокоил ее я.

– Только ты скажи, как стричь твоего сынишку, ну, сколько волос оставлять, а то я все могу.

– Да он мне не сынишка, а брат.

– Да мне хоть папу приводи. Разберемся! – создавалось впечатление, что устав от скуки, тетка была готова на любой эксперимент с клиентом.

И тут в моей голове мелькнула шальная мысль, я приблизился к тетке, и тихонько спросил:

– А можно, чтоб ребенок не видел, как вы его стричь будете? А то он капризный очень. А я хочу, чтоб покороче. Лето все-таки, жарко. Да и маме приятно будет сына с новой прической увидеть. Я же вижу, что вы профессионал своего дела. И вон сколько названий причесок знаете.

– Любой каприз за ваши деньги, – ответила «фрекен Бок» и развернула кресло в сторону телевизора. – Сейчас я ему мультики включу, пока посмотрит, мы его и... – она хищно щелкнула в воздухе ножницами. – Будете

довольны, как никогда, а мама заплачет, увидев сына. Зови мальчика.

– Вовинька, иди сюда, – позвал я брата. Маленький мальчик, которому в то время уже перевалило за сорок, вразвзлочку вошел в зал. Фрекен Бок, увидев малыша, икнула. И тут на нее напал истерический смех:

– Мальчик? Это мальчик?! – она пальцем ткнула в сторону брата.

– А кто скажет, что это девочка? – сделав вид, что удивился, спросил я (подсознательно или нет, но я использовал сюжетный ход из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова). – Самый настоящий мальчишка, правда, небритый, так с поезда только, да и прическа уж больно женская. Но я думаю, это поправимо! Как вы считаете?

Тетка начала успокаиваться:

– Ну, это мы сейчас поправим. Полчаса, и вы его не узнаете. Да что вы, он сам себя не узнает.

Ничего не подозревающий брат сел в кресло и устался в экран стоящего напротив телевизора. Тетка постаралась и включила мультфильмы, самые детские хиты того времени. Брат увлекся, а мы через приоткрытую дверь наблюдали, как тетка колдует над черной копной его волос. Вскоре мы отвлеклись и на какое-то время забыли о Володе. И когда через некоторое время снова посмотрели на сидящего в кресле горячо любимого брата, поняли, что безвозвратно его теряем – наша «фрекен Бок», окончив стрижку, торжественно повернула кресло в сторону зеркала. И тут наш «Киса Воробьянинов» (а по эффекту подходил именно этот литературный герой), взглянув в него, тоскливо застонал, да так, что тетка в нерешительности попятилась к окну.

Теперь пришла наша очередь истерически смеяться. Старший брат хохотал до слез. Володя глядел на нас беспомощными глазами, и шептал:

– Ну, что, что вы наделали? – он был в таком глубоком шоке, что начал даже собирать с пола отрезанные локоны. Тетка, оцепенев, словно оправдываясь, обратилась ко мне:

– Нет, правда, мальчику идет? Я же говорила – не узнаете. Да еще и сэкономили хорошо, тариф-то детский. Вас одеколончиком сбрызнуть? – робко спросила она брата. – Могу «Шипром», могу «Тройным».

Володя посмотрел на меня, на Юру, затем на тетку, и произнес:

– Какой к черту одеколон? Как домой вернусь, меня жена не узнает.

Кое-как нам удалось успокоить брата. Мы поняли: главное – обходить места, где есть зеркала. Володя вскоре успокоился, а программа пребывания в Симферополе быстро позволила забыть об этом смешном казусе.

ПЕТУШИНЫЕ ЯЙЦА

Эту историю я услышал еще в конце 70-х годов, когда находился в Болгарии. В те далекие советские годы побывать в этой стране для многих было примерно тем самым, как сегодня посетить Францию. Только Болгарию мы тогда считали шестнадцатой советской республикой. Но далеко не каждому везло привезти из туристической поездки в эту страну флакончик розового масла или шампунь «Кря-кря», не говоря уже о таком алкогольном шедевре, как «Плиска». И вот я, как один из самых морально и политически устой-

чивых молодых комсомольских функционеров, после согласования со всеми мыслимыми и немыслимыми инстанциями был включен в официальную делегацию, которая отправлялась в братскую республику для обмена сельскохозяйственным опытом. Сразу скажу, что в сельском хозяйстве я разбирался примерно так же, как стоматолог в гинекологии. То есть, на уровне «посмотреть могу». Но я четко знал, что озимой кукурузы не бывает, а картошка – это куст, а не дерево. Кроме меня, в делегацию был включен такой же, как я, специалист, но уже из профсоюзов, Яков и «случайно затесавшийся» в нашу группу известный механизатор одного из районов, назову его Виктором. Что интересно – перед поездкой с нами никто особо инструктажей не проводил, что явно свидетельствовало о нашей вышеуказанной устойчивости. А вот за Виктором просили приглядеть. Нет, не как за шпионом или носителем каких-то секретов. Просто как за человеком, который дальше района никогда не выезжал. Ну, вроде как подсказать что-нибудь по-дружески, чтобы не ударить в грязь лицом.

В поезде, который направлялся в Болгарию, мы быстро сдружились, вернее, нас сдружил этот самый Виктор. Только мы сели в купе, как он достал огромную сумку и, неспеша, стал выкладывать на стол продукты, которые ему в дорогу собирало все село. Учитывая, что мы жили в городе, и, в лучшем случае, довольствовались бутербродами с «докторской» колбасой, то припасы нашего попутчика напоминали застолье трехдневной сельской свадьбы – куры, сало, яйца, домашняя и кровяная колбасы. Ко всему этому Виктор вытащил трехлитровую закатанную металлической крышкой банку, в которой, как он выразился, находился напиток богов. В довершении всего этого изобилия на стол торжественно был водружен копченый в домашних условиях огромного размера карп. Маленькое купе вмиг

наполнилось легким ароматом копченой рыбы, что, естественно, резко усилило наше слюноотделение.

Виктор приоткрыл купе, но не для того, чтобы проветрить – он громко попросил проводника принести стаканы. Через некоторое время у нас было самое дружное купе, из которого доносились народные застольные песни. А еще через пару часов уже Виктору пришлось за нами присматривать и заботливо укладывать спать – напиток богов оказался гораздо более крепким, чем мы его себе представляли. Не знаю, ложился ли спать наш знатный механизатор, но утром, с трудом открыв глаза и прошептав единственное слово – «пить», я увидел бодро подскочившего Виктора, который по-дружески поднес мне стакан. Я с жадностью набросился на жидкость, но уже после первых глотков понял, что за напиток преподнес наш новоиспеченный друг. Я застонал, как Шурик в фильме «Кавказская пленница», а Виктор, увидев мою реакцию, удивленно спросил:

– Плохая? Люська вроде как сказала, что лучшую, двойного перегона налила.

Не знаю, какой бывает худшая, но лучшую я запомнил на долгие годы.

Итак, мы в Болгарии. Красивый городок Толбухин, шикарная гостиница «Добруджа», о чем еще можно было мечтать в те годы? Нас разместили в одноместных номерах.

Вот тут я ненадолго отвлекусь и поведаю еще одну историю о том, как впервые попал в гостиницу одного из районов области. Я поселял там работника ЦК ЛКСМ Украины и, конечно же, хотел, чтобы гостю понравилось. Заказал самый лучший номер – с телефоном, телевизором и холодильником. Заходим мы в него, и я замечаю, что нет холо-

дильника. Спускаюсь к администратору и пытаюсь об этом сказать. Она, недослушав, спрашивает:

– А куда вы его дели?

Ну, короче, пока сама не убедилась, что холодильник уже неделю как вывезли на ремонт, не успокоилась. Но это были еще цветочки – телефон оказался местным, то есть, без выхода на междугородную связь. Кто не понимает, о чем идет речь, сообщу: мобильных телефонов тогда еще не было. У телевизора отсутствовала антенна и он, естественно, ничего не показывал. Но самым поразительным было то, что постель была, мягко говоря, не совсем чистой. Когда я сообщил об этом администратору, она глянула на меня сквозь очки и удивленно спросила:

– Вы шо, з Москвы прыйихалы?

Но вернемся в Болгарию. Представьте мое состояние, когда, войдя в ванную комнату, я увидел у зеркала на полочке с десятков различных тюбиков, баночек и бутылочек, а рядом с известным местом – целый рулон туалетной бумаги. И, отметьте не серой, а сверкающей своей белизной! Но принимающая сторона, наверное, готовилась добить нас окончательно, так как тут же на крючке я увидел белоснежный халат и рядом внизу – белые, как снег, тапочки. «Рай, если ты есть, – подумал простой комсомольский работник, то есть я, – то именно здесь и сейчас».

Правда, одна вещь, вернее продукт, привел меня в недоумение. На тумбочке возле кровати стояла пластиковая бутылка, наполненная водой. «Вот дураки, – про себя подумал я, – воды же полно, открой только кран. С жиру бесятся», – решил, время от времени поглядывая на стоящую бутылку.

Когда я вошел в комнату Виктора, то увидел его стоящим у порога – он так и не мог решиться войти в комнату.

– Вить, ты чего это? Неужели вот так уже полчаса стоишь?

– Так ты посмотри, как-то не по-людски у них тут все. Ковер на пол бросили. Шикарный какой. И что, по нему ногами ходить? У меня дома не хуже, но на стене.

Кое-как я объяснил товарищу, что для чего. Вечером после прогулки по городу и ознакомления с достопримечательностями нас ждал ужин с ответственным работником окружкома партии в отдельном зале ресторана. Вначале разговор не клеился, но по мере того, как опустошались бутылки на столе, мы стали намного лучше друг друга понимать. Как оказалось, у нас много общих тем. Произносились тосты за дружбу между нашими народами и тому подобное. В основном молчавший Виктор вдруг встал, налил полный стакан ракии (болгарская водка, вроде нашей самогонки) и произнес:

– Я хочу выпить за Тодика и Ленчика... – тут я увидел, как протрезвели глаза Якова, и он под столом что есть силы наступил на ногу Виктору, а потом мне. Я вначале не понял, чем вызвана такая реакция, но потом до меня стали доходить слова нашего прославленного комбайнера, кого он имел в виду. А он говорил о первом секретаре ЦК Болгарской коммунистической партии Тодоре Живкове и нашем Леониде Ильиче Брежневе. Думаю, у Якова, как у руководителя нашей делегации, в тот вечер добавилось седых волос. Но Виктор, как ни в чем не бывало, продолжал: – Выпить за их дружбу, благодаря которой мы находимся здесь.

Наша командировка подходила к концу. Как-то утром за завтраком официант подал нам по огромной тарелке. На каждой из них посредине среди зелени салата расположился какой-то непонятный продукт. Увидев наше удивле-

ние, официант, молодой парень, на ломаном русском языке произнес:

– Это есть яйца петуха.

– Чего-чего? – недоумевающе переспросил Виктор. – Какого такого петуха?

Официант почему-то перешел на английский язык:

– О'кей! О'кей! – и куда-то удалился. Мы сидели, переглядываясь, и не решались притронуться к неизвестному доселе блюду. Вскоре подошла девушка и на чистом русском языке объяснила:

– Это деликатес. У нас есть фермы. На одних выращивают гусей с деликатесной печенью, на других – только петухов. После забоя мясо отправляют в продажу, а вот то, что находится в тарелке перед вами, поступает в закрытые учреждения. – Она немного замялась: – Как бы это вам сказать – для мужчин это очень полезный продукт. Силу дает мужскую.

В это время за наш столик сел партийный работник, закрепленный за нами, с которым мы успели сдружиться.

– А-а... – протянул он. – Кушайте, кушайте, очень вкусно и полезно. Сейчас я вам расскажу историю, которой от силы месяц. Мне пришлось сопровождать профессорскую чету, приехавшую к нам из Праги. Емulet под восемьдесят, а ей на вид не дашь и пятидесяти, такая моложавая дамочка. Им подали этот деликатес. Они отреагировали, как и вы. Я объяснил, что это, ну и добавил от себя, что сей продукт усиливает потенцию мужчин. Пока мы ужинали, профессорша несколько раз подзывала официанта и просила принести очередную порцию яиц, которую она подкладывала мужу. Пять или шесть порций он съел за вечер. Наутро мне снова пришлось завтракать с ними. Подошедший официант любезно спросил профессоршу,

чего они хотели бы отведать на завтрак, на что та раздраженно ответила:

– Несите, что угодно, кроме яиц! Бесполезно. Вы меня дезинформировали, – обратилась она уже ко мне.

Мы с Яковом так и прыснули от смеха, а Виктор на полном серьезе произнес:

– Вот дураки! Лук с салом есть нужно. Какой же мужик без сала? стакан самогонки, цыбулю с салом и борща. Нашего, украинского. А то придумали – петушиные яйца! Да и вообще, как говорят мужики у меня в бригаде «Если «тама» нету мочи – не поможет даже Сочи!»

И он громко засмеялся.

Николай Цуканов

НЕВЫДУМАННЫЕ ИСТОРИИ